

ПОХОД «МИРОМ» И ГОРОДИЩЕНСКОЕ СТОЯНИЕ 1475/76 г.

В центре внимания исследователей, изучающих историю включения Новгородской земли в состав Русского централизованного государства, — события 1471 г. (разгром новгородцев на Шелоне и Коростынский мир) и 1477 — 1478 гг. (ликвидация феодальной республики). Значительно меньший интерес вызывает, как правило, такое событие, как «поход миром» 1475 г. и последовавшее за ним Городищенское стояние Ивана III (ноябрь 1475 — январь 1476 г.). В трудах В. Н. Бернадского и Л. В. Черепнина этому сюжету отведено всего несколько страниц, хотя оба автора придают событиям 1475 — 1476 гг. достаточно большое значение.¹ Данные о пирах, дававшихся во время Городищенского стояния, использовал В. Л. Янин для характеристики политической структуры Господина Великого Новгорода в последние годы его самостоятельности.² Единственная специальная работа о «походе миром» принадлежит перу И. В. Лепко,³ она проанализировала известия летописей (Никоновской, Псковских, Новгородской IV, Софийской и Типографской) и дала общий обзор событий, уделив основное внимание вопросам социальной политики Ивана III в Новгороде во время Городищенского стояния.

Победа над Новгородом в 1471 г. была важнейшим событием, определившим дальнейшие отношения Москвы с феодальной республикой. Одно из основных положений Коростынского договора — установление верховного арбитража великого князя во всех судебных делах Великого Новгорода.⁴ Этим Коростынские соглашения существенно отличаются от всех прежних докончаний феодальной республики с великими князьями.

Действительно, в Коростынских докончаниях 11 августа 1471 г. Господин Великий Новгород не только впервые назвал великих князей (Ивана III и его сына Ивана) «своей господой», а себя

¹ Бернадский В. Н. 1) Политика Ивана III в Новгороде // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1947. Т. 61. С. 99—101; 2) Новгород и Новгородская земля в XV в. Л., 1961. С. 295—297; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. М., 1960. С. 864—867.

² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 318.

³ Лепко И. В. Поход Ивана III «миром» в 1476 г. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1948. Т. 78. С. 133—166.

⁴ ГВНИП. № 26—27.

самого — их «отчиной», что означало признание безусловного суверенитета великокняжеской власти над Новгородом, т. е. фактическое включение Господина Великого Новгорода в состав Русского централизованного государства. Докончания содержат также и принципиально важное положение: «...А что грамота докончалная в Новгороде промежь себя о суде, ино у тои грамоты быти имени и печати великих князей». По верному наблюдению Л. В. Черепнина, речь идет о том, что Новгородская судная грамота переписывается на великокняжеское имя и скрепляется печатями великого князя,⁵ что равноценно признанию великого князя верховным судьей во внутренних новгородских судебных делах,⁶ гарантом правосудия в Новгородской земле. Эта статья докончаний (как и следующие за ней статьи, устанавливающие деление судебных пошлин за важнейшие уголовные преступления поровну между новгородскими властями и великим князем) — конкретная реализация нового статуса Новгорода как «отчины» великого князя — неотъемлемой части Русского государства.

Первым шагом в реализации административно-судебных прерогатив, предоставленных московскому правительству по Коростыньскому договору, является «поход миром» осенью 1475 г. и «Городищенское стояние» великого князя в Новгороде следующей зимой.

Подробное описание этих событий читается в Московской летописи;⁷ с ним текстуально совпадает изложение Софийской II и Львовской летописей.⁸ Симеоновская летопись содержит краткий вариант этого рассказа.⁹ В этих летописях перед нами, по видимому, официальный московский рассказ о походе, лишенный каких-либо эмоциональных элементов, но содержащий документально точный перечень фактов в их хронологической последовательности. Это дальнейшее развитие того же стиля протоколно-фактологического изложения, который впервые можно отметить в рассказе Московской летописи о событиях 1470/71 г. Но сейчас рассказ еще протоколнее, еще менее эмоционален. Собственно, это не рассказ, а деловая повседневная запись. Другие летописи сообщают о «походе миром» очень кратко;¹⁰ псковские летописи, как обычно, освещают события со своей, псковской, точки зрения. Новгородская интерпретация событий 1475/76 г.

⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1948. Ч. 1, С. 372, 395—396.

⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля. С. 284.

⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 304 и след.

⁸ Там же. Т. 20. Ч. 1. С. 313 и след.

⁹ Там же. Т. 18. С. 251.

¹⁰ Там же. Т. 24. С. 195.

отразилась в кратком известии Строевского списка Новгородской IV летописи и в Устюжской летописи.¹¹

В воскресенье, 22 октября 1475 г., вскоре после участия в тушении очередного грандиозного пожара в Кремле (в результате которого «выгорело мало не весь город»), великий князь «пошел к Новгороду миром, а с людьми со многими». На Москве был оставлен наследник великий князь Иван Молодой. 26 октября великий князь «въехал на Волок», 1 ноября был в Торжке, 5-го — на Вышнем Волочке, 7-го — в Виру, 14-го — в Волме (левый приток Мсты), 16-го — в селе Васильевском на той же реке, 17 ноября — на устье Волмы. Следующая остановка — в селе Рыдыни, на р. Холове (очевидно, при впадении ее во Мсту), в 90 верстах от Новгорода; 19 ноября великий князь стоял на Мсте в 50 верстах от города, 20-го в понедельник он был в Плашкине, в 25 верстах и, наконец, во вторник 21 ноября «пойде в свою отчину, в Великий Новгород». В тот же день великий князь приехал на Городище. Началось «Городищенское стояние».¹² 500 км от Москвы до Новгорода великий князь проехал за 30 дней, делая по 25 — 30 км в день и иногда останавливаясь на 2 — 3 дня на одном месте. Это не военный поход, это и не простое путешествие в свою «отчину» (в которой до этого великий князь не был ни разу) и не политическая демонстрация. Это — чисто практическое мероприятие — осуществление «суда и управы» над своими подданными, «мужами вольными» Новгородской отчины, начало непосредственного, реального управления Новгородской землей как частью Русского государства.¹³

¹¹ Там же. Т. 4. Ч. I. Вып. 2. С. 449; Т. 37. С. 48, 94.

¹² Там же. Т. 20. Ч. I. С. 313—315. В рассказе Московской летописи, дословно совпадающем с рассказом Львовской, — значительный пропуск в тексте, отсутствует описание событий с 17 по 23 ноября (там же. Т. 25. С. 304—305).

¹³ Согласно новгородско-устюжскому варианту, «князь великий ходил по миру в Новгород в силе велице» (там же. Т. 37. С. 94). Л. В. Черепнин интерпретирует это известие как указание на «военное вторжение московских войск в Новгородскую землю». Он считает, что выражение «пошел... миром» есть «переделка московскими летописцами слов новгородских летописей», в результате чего «смысл текста в корне изменился» и речь пошла не о «нарушении московским правительством мира с Новгородом», а «о мирном правительственном визите» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 863—864). Обе эти версии, однако, не представляются достаточно убедительными. Во-первых, нет никаких данных о том, что московский летописец использовал в переделанном виде новгородские записи, напротив, московский рассказ является вполне аутентичным. Во-вторых (и это более важно), нет оснований говорить ни о «вторжении» в Новгородскую землю, ни о «нарушении мира» с Новгородом. «Поход миром» — акция московского правительства в соответствии и в развитие Коростыньских докончаний, акт государственной власти по управлению

С момента прибытия в пределы Новгородской земли, с первой же остановки 5 ноября в Вышнем Волочке, великий князь непрерывно принимает депутации новгородцев. Официальный характер носила миссия Василия Никифоровича Пенкова, привезшего «поминки» от владыки, и подвойского Назара, прибывшего 7 ноября с «поминками» от Новгорода. 14 ноября великого князя встретили его наместник Семен Борисович Тучко Морозов и дворецкий Роман Алексеев. После этого депутации следуют ежедневно. За пять дней великий князь принял не менее ста двадцати наиболее видных представителей Новгорода — посадников, тысяцких, бояр и житых, названных поименно, и множество новгородцев, поименно не названных. Наиболее представительная делегация официального Новгорода встретила великого князя 18 ноября в Рыдыне — архиепископ, новгородский князь (В. В. Шуйский), степенной посадник Василий Онаньин, с ним еще два посадника, степенной тысяцкий Василий Есипов, архимандрит Юрьева монастыря Феодосий, игумены Хутынский Нафанаил и Вежитский Варлаам, владычный казначей и владычный духовник. В отличие от других, менее официальных делегатов все они у великого князя «на обеде его ели и пили». Все депутации, группами и поодиночке, посадники, бояре и житы, били челом и давали «поминки» — бочки и мехи вина. С поминками приходили старосты улиц, «мнози же от старост купецких», «купцы многи», староста городищенский «со всеми городищенами»; при въезде на Городище великого князя встречали «посадницы и житыи люди и множество многого народа».

Встречи великого князя на всех его стоянках сопровождались, однако, не только подношениями даров. Надо полагать, шли какие-то переговоры, выяснялись какие-то отношения. Иногда летопись прямо указывает, что на приемы приходили «жалобники». Именно они — «Кузьма Яковль с товарищи, з жалобою на свою же братью на новгородцев» — первыми встретили великого князя на Новгородской земле; 16 ноября в селе Васильевском пришли «жалобники многи, Олфер Гагин с товари-

---

одной из подведомственных ей территорий. То, что эта акция имела определенную политическую направленность (против новгородского боярства, против новгородского сепаратизма, против феодальной анархии в Новгородской земле), не превращает ее ни в военный поход, ни в акт нарушения права. И. В. Лепко не называет поход 1475 г. военным. Но, основываясь на известиях Псковской I и Новгородской IV летописей, говорящих о насилиях и грабежах, чинимых великокняжескими войсками, подчеркивает, что «не был и до конца мирным поход „с кровью”» (Лепко И. В. Поход Ивана III ... С. 142). Не следует, однако, смешивать политические цели и характер похода с его, так сказать, вторичными явлениями — насилиями и грабежами войск, обычными в феодальное время.

щи». Старосты Славковы улицы Иван Кузьмин и Трофим Григорьев, и Никитины улицы — Григорий Арзубьев и Василий Фомин на стоянке в Рыдыне тоже не просто «явили от обеих улиц бочке вина красного»: через несколько дней стало известно и об их жалобе. На всем своем пути по Новгородской земле великий князь принимал депутации, входил непосредственно в курс новгородских дел, получал информацию, знакомился с представителями разных слоев новгородского общества. Глава Русского государства впервые видел перед собой самых сильных и упорных противников своей политики — новгородских олигархов, могущественных и сказочно богатых руководителей феодальной республики; видел и слышал и обиженных ими «жалобников»; реальная картина новгородской жизни становилась все яснее. Поездка через Новгородскую землю и приемы бесчисленных челобитчиков — первый этап решения основной политической задачи «похода миром» и осуществления фактического контроля над судом и управлением в Новгородской отчине.¹⁴

18 ноября в 90 верстах от Новгорода великий князь угощал обедом владыку и сопровождавших его руководителей новгородского правительства, но уже через три дня, сразу после прибытия на Городище, произошел конфликт: великий князь «излобился» на владыку за то, что тот прислал ему «корму» с недостаточ-

---

¹⁴ Л. В. Черепнин склоняется к мнению, что «Иван III желал продемонстрировать перед населением правосудие великокняжеской власти и поэтому заранее принял меры к тому, чтобы жители Новгородской земли обращались к нему как к верховному судье» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 864). Думается, однако, что великий князь не нуждался в потобной инсценировке («подача великому князю жалоб производилась по сигналу, данному заранее из Москвы», — там же). Права великого князя на верховный суд в Новгородской земле, зафиксированные Коростыньским докончанием, были, без сомнения, достаточно хорошо известны новгородцам. Массовая подача жалоб, надо полагать, была вызвана не успехами московской агитации (хотя она, вполне возможно, имела место), а в первую очередь реальными нуждами новгородских горожан и сельчан, страдавших от боярского произвола в условиях обострившейся политической борьбы в умирающей феодальной республике. Сам Л. В. Черепнин вполне обоснованно несколько ниже признает, что «в Новгороде обострилась борьба между разными боярскими партиями. Усилился боярский произвол, от которого страдало население. Расширялась арена антифеодальных выступлений черных людей, выливавшихся в разные формы» (там же. С. 865). В такой обстановке не было необходимости искусственно инспирировать подачу жалоб. И. В. Лепко подсчитала, что среди жалобщиков, названных поименно, 30% составляли житей люди. По ее мнению, «оппозиция житейх, вероятно, возглавляла широкие круги новгородских меньших людей», которые «и призвали князя на управу, чтобы насильников судом по их насильству по мзде судити». Эти люди, справедливо заключает далее И. В. Лепко, «верили в помощь вел. князя, в его справедливую защиту» (Лепко И. В. Поход Ивана III... С. 143—144).

но представительными лицами. Архиепископу пришлось бить челом боярам великого князя, и тот «нелюбие отложил» и «кормы велел имати», только когда владыка послал их со своим наместником. Приняв в этот же день владыку, который «бил челом, звал его хлеба ести к себе», великий князь «не пожаловав его» — отказался от приглашения. Эти эпизоды рисуют обстановку, в которой началось Городищенское стояние, как крайне напряженную, наполненную скрытой тревогой и взаимным недоверием.

На следующий день, 22 ноября, на Городище у великого князя пировало все новгородское правительство — и владыка, и князь, и степенной посадник, и много старых посадников, тысяцких и бояр. Но в этот же день великий князь принял депутацию совсем другого рода: «многие новгородские жалобники, и всякие люди, житьи и рушане, и монастырские, и прочи, иже в пределах ближних Новгорода, приидоша бити челом великому князю: ови приставов просити, да быша от вой его неизграблени, а инии с жалобу на свою же братью на новгородцев, койждо о своим управлени». Если при проезде великого князя через Новгородскую землю с жалобами к нему имели возможность обращаться отдельные группы новгородцев, то теперь на Городище пришла, по-видимому, целая масса жителей Новгорода и близлежащих мест с челобитьями о своих нуждах. Главная задача «похода миром» начала осуществляться. В связи с этим необходимо отметить, что псковский летописец, обычно внимательно приглядывающийся к делам в соседнем Новгороде и, как правило, хорошо осведомленный в них, видит саму причину похода великого князя в Новгород в том, что «новгородцы, люди житини и моложьшии, сами его призвали на тья управи, что на них насилье держать как посадники и великия бояры, никому их судити не мочи, тии насильники творили».¹⁵ Прием жалобников и разбор жалоб — центральный момент в деятельности великого князя в своей «отчине». Пир и подношения новгородских бояр — всего лишь внешнее обрамление этой деятельности, принципиально расходящейся с коренными интересами новгородских олигархов.¹⁶

¹⁵ ПЛ. Т. 2. С. 200.

¹⁶ По мнению В. И. Бернадского, поддержка великим князем «антибоярской оппозиции» — не более чем «вспомогательное средство, используемое для давления на новгородских феодалов», а главная линия великокняжеской политики — «создать среди влиятельных новгородских феодалов группу сторонников Москвы» (Бернадский В. И. Новгород и Новгородская земля... С. 295). Социальную ориентацию великокняжеской политики на боярство отмечает и И. В. Лепко (Лепко И. В. Поход Ивана III... С. 150 и др.). На близких по существу позициях стоит Л. В. Черепнин, по мнению которого, великий князь «поддерживает союз с местными боярами, опирается на них»,

Летописный рассказ приводит суммарные, обобщенные сведения о «жалобниках». Тем не менее можно отметить два основных мотива челобитий об «управлении». Один из них связан с самим «походом миром» и носит, так сказать, чисто временный, конъюнктурный характер—это просьбы об охране от войск, идущих с великим князем. «Поход миром» — поход военных сил, хотя и не сопровождавшийся военными действиями, своего рода мирная оккупация Новгородской земли: фактическое осуществление Коростынских соглашений требовало реального обеспечения. Другая группа жалоб связана непосредственно с местными, новгородскими делами. Это жалобы «на свою же братию новгородцев». По существу в жалобах речь шла, по-видимому, о своеволье новгородских бояр, членов правящей олигархии, на которых в условиях вырождающегося вечевого строя действительно не было фактической управы. Именно такой характер жалоб рисуется в указаниях летописца на «убийства, и грабежи, и домом разорения от них напрасно, кой с которого сможаше» (курсив мой. — Ю. А.). Подобного рода преступление хорошо известно новгородской жизни — это «наход» или «наезд», одна из центральных уголовных категорий Новгородской судной грамоты. Хотя жалобы новгородцев едва ли ограничивались только «наездом», именно это преступление в условиях правления боярской олигархии было наиболее опасным и наиболее трудно наказуемым. Реальную картину такого «находа» или «наезда» рисует Псковская III летопись под сентябрем 1475 г., как раз в канун «похода миром». Несмотря на то что между Новгородом и

но в то же время «хочет завоевать симпатии широких слоев новгородского населения, вылавая себя за его защитника от боярского произвола» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 865). И так, получается, что союз с боярством — цель политики великого князя, а заигрывания с социальными низами — только средство, только демагогический маневр. Думается, однако, что все три названных исследователя недооценивают значение основной, генеральной линии великокняжеской политики, направленной в первую очередь на обеспечение твердой государственной власти московского правительства на Новгородской земле — как составной части Русского государства. В осуществлении этой линии великокняжеская власть (на Руси, как и повсюду в Европе) не могла не опираться прежде всего на поддержку таких элементов населения, которые требовали прекращения феодальной анархии, для которых великокняжеская власть была «представительницей порядка в беспорядке, представительницей нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 411). Разумеется, что к таким слоям населения, объективно заинтересованным в создании централизованного государства, новгородское боярство относиться никак не могло — в этом суть политического противостояния его великокняжеской власти.

Псковом после 1471 г. царил мир и, судя по летописям, не было никаких претензий, «скопившаяся новгородския боярьские ключники, да вдарилися в ночь разбоем ратью со всею ратною приправою на нашу волость на Гостятино». Произошло вооруженное столкновение. По словам летописца, псковичам на этот раз удалось отбиться: «иных побили, иных, руки поймав, повесили ...а инии разбегли». Всего было повешено 65 человек («с пол сема десятка»).¹⁷ Разумеется, «наезды» далеко не всегда, вероятно даже в относительно редких случаях, кончались так трагически для наездников: об этом свидетельствует сама распространенность этой типичной для феодальной республики формы организованного разбоя, осуществляемого представителями господствующего класса и их слугами.

23 ноября великий князь впервые въехал в Новгород. Новгородское духовенство во главе с архиепископом встречало его «яко же повеле им сам князь великий, не превозносяся», т. е. с подчеркнутым изъявлением полной покорности. Ритуал встречи великого князя должен был подчеркивать его державные права на свою «отчину», подчеркивать факт вхождения Новгорода в Русское государство.¹⁸

После торжественного молебствия в Софийском соборе у архиепископа состоялся пир с подношением богатых даров. На следующий день, 24 ноября, «также и в прочии дни» на Городище продолжался прием челобитчиков: являлись «посадники и тысяцкие, и бояре, и житьи люди, и изветники... челом ударити с поминки и с вином, и всякие монастыри, и из всех властей Новгородцких старосты и лутчие люди ...и монастырские, и корела». По словам летописца, челобитчики приходили с двойкой целью — «иные о жалобах, а иные лице его видети». Жалобы на притеснения и несправедливости новгородских олигархов, просьбы о суде и управе сочетались с изъявлениями покорности и политической лояльности, с демонстрацией признания верховной власти великого князя над Новгородской землей. Но признание этой власти и апелляция к ней означали не что иное, как отрицание власти боярской олигархии, умаление ее авторитета и подрыв ее политических позиций. Становясь интегральной частью Русского государства, подчиняясь суду и управе его главы, Новгородская земля переставала быть феодальной республикой, теряла свои исконные архаические черты особенности. Над головами новгородских олигархов, над остатками их политической власти собиралась гроза.

¹⁷Пл. Т. 2. С. 199—200.

¹⁸Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 864.

Гром грянул 25 ноября. В этот день «били челом... пришел на Городище, мнози новгородцы, две улицы, Славкова да Микитина, на бояр новгородских, на посадника степенного Василия Онаньина, Богдана Есипова, на Федора Исакова, на Григория Тучина, на Ивана Лошинского, на Василия Никифорова, на Матфея Селезнева, на Якова Селезнева, на Ондreja Исакова Телятева, на Луку Офонасова, на Мосея Федорова, на Семена Офонасьева, на Константина Бабкина, на Олексея Квашнина, на Василия Тютрюмова, на Василия на Бахшу, на Ефима на Ревшина, на Григорья на Кошуркина, на Офимьины люди Есипова Горошкова и на сына ее Ивановы люди Савелкова — что, наехав те со многими людьми на те две улицы, людей перебили, переграбили, животных людских на тысячу рублей взяли, а людей многих до смерти перебили».

Трудно переоценить значение этой жалобы. Произошло неслыханное, беспрецедентное в жизни Новгорода событие. Впервые в истории боярской республики новгородские улицы обратились с жалобой на новгородских олигархов не к своим вечевым органам, а к великому князю Русской земли, признав тем самым в нем верховного арбитра над Новгородом. Не менее важен и персональный состав обвиняемых. Два десятка перечисленных жалобщиками имен — это цвет правящей верхушки Новгорода во главе с самим степенным посадником. Это те самые люди, которые только что встречали великого князя на его «станах» в пути по Новгородской земле, поднося ему подарки, те самые люди, которые только что пировали с великим князем за его столом на Городище и у владыки. Суть преступления этих людей достаточно ясна. Это — типичное для феодальной анархии сведение личных счетов путем физической расправы, характерное для боярского Новгорода решение споров между концами и улицами методами «наезда» и «находа» (вспомним, что все новгородские бояре были членами и руководителями своих уличанских и кончанских общин). Ясно, что олигархическая республика не имела никакой возможности обуздать подобного рода самоуправство своих посадников, ясно, что все свои надежды обиженные и разграбленные уличане могли возлагать только на суд и управу великого князя всея Руси.¹⁹

¹⁹По мнению И. В. Лепко, жалобы 25 ноября «были несомненно «организованы», и не без ведома великого князя. Уж слишком явно был подобран в число обвиняемых такой состав бояр, интересы которых сталкивались с Москвой» (Лепко И. В. Поход Ивана III... С. 146). К этому выводу исследовательницы привел проделанный ею анализ персоналий обвиняемых: некоторые из них известны как владельцы вотчин в Двинском крае, «так давно служившем почвой для столкновений Москвы и Новгорода».

Объектами «наездов» и «находов» были не только рядовые уличане, но и сами бояре. В тот же день поступила жалоба от братьев Луки и Василия Исаковых детей Полинарьина. Они били челом на того же «на Василия на Микифорова, на Панфила на старосту Федоровские улицы, что, наехав на их двор, людей у них перебили, а живот разграбили, а взяли на 500 рублев».

Великий князь дал жалобникам своих приставов — ими оказались Дмитрий Чюбар Зворыка, Федец Мансуров и Василий Долматов. Но этим дело не ограничилось. К архиепископу, посадникам, боярам и житеям, находившимся у него на приеме в момент принесения жалоб, великий князь обратился с требованием назначить своих, новгородских приставов, «на тех сильников», заявив при этом о своем желании лично разобраться в существе дела и взять ведение его в свои руки: «хочю яз того посмотри... хоцеть бо ми ся обиденым управа дати». Перед нами — первый в истории Новгорода пример непосредственного вмешательства великокняжеской власти в распри между новгородцами, первый пример реального осуществления суда и управы великого князя в его новгородской «отчине». Не ограничившись обращением к руководителям новгородского правительства, великий князь сделал — через своих бояр Федора Давыдовича Хромого и Ивана Борисовича Тучка Морозова — аналогичное заявление и на вече: «чтобы дали своих приставов на тех обидящих братью свою».

Таким образом, осуществление «суда и управы», функций верховного арбитража великого князя в феодальной республике идет без формального нарушения новгородской «конституции», с использованием новгородских политических институтов.²⁰ На данном этапе эти институты — посадничество, вече — не ликвидируются, а используются великокняжеской властью в своих целях — в целях усиления власти Москвы в новгородской «отчине». Формально суд великого князя на Городище носил черты тра-

---

Думается, однако, что эта аргументация недостаточна по трем соображениям. Во-первых, на Двине были вотчины не только обвиняемых бояр, но и многих других новгородских землевладельцев — Двинский край являлся основной базой экономического могущества феодальной республики. Во-вторых, мысль о том, что в основе претензий великого князя к новгородским боярам лежали споры о землевладении в Двинском крае, весьма сомнительна сама по себе — речь шла, судя по всему, не о вотчинах, а о политической власти в Новгороде. В-третьих, наконец, подчеркивая инсценированность «жалоб», И. В. Лепко противоречит не только источникам, но и собственному верному наблюдению, что новгородские низы «верили в помощь вел. князя, в его справедливую защиту».

²⁰Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 297; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 865.

диционного для средневековья сместного суда: приставы назначаются обеими сторонами, московской и новгородской. Фактически—это суд великого князя всея Руси над своими подданными, обвиненными в тяжелых уголовных преступлениях.

Сам суд состоялся на следующий день, в воскресенье. Наутро истцы и ответчики, обиженные и обидевшие, и приведенные приставами степенной посадник и другие представители боярской элиты, «все сташа перед великим князем на Городище». На суде у великого князя присутствовали также архиепископ и посадники. Но им, очевидно, была отведена скромная роль статистов. Разбирательство уголовного дела новгородских олигархов в этот роковой для феодальной республики день 26 ноября 1475 г. проходило, судя по летописному отчету, по обычному, хорошо известному из судебных актов XV в. ритуалу средневекового состязательного процесса. «Василий Онаньин посадник и с прочими написанными на них жалоба ответчи стали... И начат судити их, и суди их и обыскав, да жалобников оправил, а тех всех, как находили, и били, и грабили, обвинил».

«И веле князь великий Василя Онаньина, Богдана Есипова, Федора Исакова, Ивана Лошинского поимати. И взяли их дети боярские: Василя Онаньина — Иван Товарков, Богдана — Русалка, Федора Исакова — Звенець».

Феодальной республике был нанесен непоправимый удар. Четверо представителей боярской олигархии во главе со степенным посадником, обвиненные в тягчайшем уголовном преступлении, были осуждены судом великого князя и оказались под стражей. В тот день старые, традиционные политические институты Великого Новгорода, составлявшие на протяжении трех веков основу его политического бытия, показали свою полную несостоятельность перед лицом великокняжеской власти и фактически перестали существовать, сохранившись только в своих названиях. Именно этот день может по праву считаться концом боярской республики, хотя агония ее длилась еще более двух лет.

Взятием под стражу четырех главных обвиняемых дело не ограничилось: «товарыщев их всех велел князь великий своим приставам подавати на поруки на крепкие в полутора тысяче рублях в ысцевых да в своей вине без урока». Обвиняемые, таким образом, должны были не только возместить убытки истцам, но и выплатить уголовный штраф, «вину» в пользу великокняжеской казны. Великий князь наглядно демонстрировал свое желание «обиденым управа дати». Однако, взятые на поруки архиепископом, обвиняемые сохранили пока свободу — в наступлении на новгородское боярство в осуществлении своего суда и управы великий князь не рубил с плеча, а шел от рубежа к рубежу.

В событиях ноября 1475 г. важен не только и не столько непосредственный материальный эффект — размер фактического наказания главных руководителей Новгорода. Не меньшее, а, вероятно, большее значение и более глубокие отдаленные последствия имел эффект моральный — само осуществление суда великого князя в Новгороде, продемонстрировавшее всю реальность нового исторического факта — включения Новгорода в состав Русского государства. С безраздельным господством боярской олигархии, опиравшейся на вечевые институты, было покончено навсегда. Если военное могущество и политические амбиции боярской республики были похоронены на берегах Шелони, то внутривластная власть боярства, само существование ее были взорваны изнутри новгородскими жалобниками, нашедшими суд и управу у великого князя на Городище.

Но Городищенское стояние отнюдь не ограничивалось только рассмотрением жалоб новгородцев и судебным разбирательством по ним. В тот же день, 26 ноября, «великий князь выслал от себе вон Ивана Офонасова да сына его Олфериа, да их поимати велел в том, что мыслили Великому Новгороду датися за короля, а взяли: Ивана — Василий Китай, а сына его — Юрья Шестак».

Если суд по жалобам новгородцев над степенным посадником и его «товарыщами» означал осуществление великим князем функций верховного арбитра во внутренних делах новгородской «отчины», то «поимание» Ивана Офонасова с сыном говорит об обостренном внимании московского правительства к политической позиции, политическим интригам новгородского боярства. В распоряжении правительства, очевидно, оказались данные о государственной измене Офонасовых. Этот факт свидетельствует, во-первых, о том, что в среде новгородских олигархов мысль о переходе под власть Казимира не была еще окончательно похоронена, во-вторых, о том, что Москва внимательно следит за боярами, которые в своей собственной республике находятся теперь далеко не в полной безопасности. Глаз и рука Москвы проникают в толщу новгородского общества.²¹

Суд над посадниками на Городище не мог не произвести колоссального политического и морального эффекта. 28 ноября архиепископ и члены новгородской господы пришли «бити челом от Великого Новгорода о изниманных боярах, чтобы пожаловал, смиловался, казни им отдал и на поруки их дал». Челобитые «от

²¹ Взятие под стражу шести крупнейших представителей новгородской элиты трудно согласуется с приведенными выше мнениями исследователей о поисках великим князем во время Городищенского стояния «союза с новгородским боярством».

Великого Новгорода», видимо, обсуждалось на вече и носило характер своего рода политического демарша. Демарш этот был, однако, категорически отклонен. «Ведомо тебе, богомольцу нашему, и всему Новугороду, отчине нашей, колико от тех бояр и наперед сего лиха чинилося, а нынеча, что ни есть лиха в нашей отчине, то все от них чинится» — заявил великий князь чело-битчикам, поставив перед ними риторический вопрос: «ино како ми за то их лихо жаловати?». Заявление великого князя характерно. В его глазах Василий Онаньин «с товарищи» — далеко не случайные преступники. Их расправа со своими противниками в новгородских улицах — не единичный факт самоуправства, а всего лишь одно из звеньев в длинной цепи «лиха», чинимого ими в новгородской «отчине». Нет оснований, разумеется, видеть в важнейшем руководителе республики, в степенном посаднике, доверенном лице новгородской господы, всего лишь несдержанного, недисциплинированного человека, под горячую руку совершившего уголовное преступление. Едва ли Василий Онаньин и его «товарищи» отличались в принципиальных основах своего морально-политического облика от других членов господы. Чинимое ими «лихо» — определенная система поведения и действий, в большей или меньшей степени свойственная господе в целом, боярской олигархии как таковой. Суд и приговор над Онаньиним и его «товарищами» — в известной мере суд и приговор над всей господой, над всей правящей новгородской верхушкой, над всей ее политической и социальной практикой. Отсюда — и настойчивые попытки других членов господы добиться смягчения их участи, отсюда же — и не менее настойчивое стремление великого князя довести начатое дело до конца. Управа «обиденым» по логике вещей перерастала рамки уголовного дела; она с необходимостью превращалась в принципиальное осуждение всего политического уклада боярской республики. В тот же день, 28 ноября, бояре в оковах были со своими приставами посланы в Москву, куда прибыли 10 декабря.

В Новгороде верно оценили глубинный политический смысл суда на Городище, грозную опасность, нависшую над политическим строем республики. В этой связи представляет большой интерес уникальное сообщение псковского летописца. Псковские послы, посланные к великому князю в Новгород 23 ноября («на той же недели, в четверг, на которой князь великий приехал») с традиционным наказом «бити челом о том, чтобы князь великий держал Псков, свою вотчину, в старине», прибыли в Новгород «вторник на другой недели» (т. е. 28 ноября) и через два дня видели «чюдо дивно и страха исполнено»: 30 ноября «в четверк на ту ночь», «страхнувшеся Великий Новгород против князя ве-

ли кого, и бысть пополох во всю ночь силне по всему Великому Новуграду».²² Новгород глухо бурлил, потрясенный небывалыми событиями; видимо, готовилось вооруженное выступление сторонников осужденных бояр. Как и шестнадцать лет назад, приезде Василия Темного, великокняжеская резиденция на Городище привлекала пристальное и недоброе внимание; ползли тревожные слухи: «и ту же ночь видеша и слышаша мнози вернии, как столп огня стоящя над Городищем от небеси до земля, тако же и гром небеси».²³ Однако, как и в 1460 г., до вооруженного столкновения дело не дошло. Во-первых, новгородцы, очевидно, были далеко не единодушны в своем сочувствии взятым под стражу боярам, совершавшим «наезды» на новгородские улицы. Во-вторых, существенное значение имело и то, что московская «сила» была «по всем монастырям, было полно по обе стороны около всего Великого Новгорода»: «суд и управа» великого князя в сердце феодальной республики имели достаточно реальное обеспечение.

Проявив непоколебимость в отношении главных преступников, великий князь согласился смягчить участь взятых на поруку архиепископом. Приняв 1 декабря очередную депутацию во главе с архиепископом, он «богомольца для своего владыки и отчины своей ради Великого Новгорода челобитья тех винных людей пожаловал». Это «пожалованье» состояло в том, что по уплате истцовых убытков обвиненным была предоставлена возможность выплачивать свою «вину» порознь, без круговой поруки, и, по-видимому, в рассрочку.

Прерванные на время пиры продолжались. 6 декабря «князь великий ел и пил у князя Василья Шуйского», 14 декабря — у владыки, 15-го — у посадника Казимира, 17-го — у Захария Григорьева, 19-го — у посадника степенного Василия Есипова, 21-го — у Якова Короба, 23-го — у Луки Федорова. 25 декабря, на Рождество, был пир у самого великого князя с приглашением архиепископа, князя, всех посадников и тысяцких, житых людей и многих купцов, «пил с ними долго вечера», 28 декабря — «на великого князя пир на Городище» у Настасьи Григорьевой. Пиря следуют один за другим, через 1 — 2 дня. Все они сопровождаются богатейшими подношениями, которые заботливо фиксирует летописец. На каждом пире великий князь получает десятки золотых монет—кораблеников, «поставы» заморского «ипско-го» сукна, продукты морских промыслов — «рыбы зубы», собольи меха, бочки вина, золотые и серебряные вещи. 11 января

²² ПЛ. Т. 2. С. 201.

²³ Там же.

1476 г. «великому князю ударили челом Фома степенной посадник да тысяцкий Василий Есипов от всего Великого Новгорода, явили тысячу рублев». Этот фейерверк пиров и золотой дождь подарков закончился 19 января третьим пиром у владыки: великий князь получил «300 корабленик, ковш золот з жемчюгом, 2 гривенки, 2 рога окованы серебром, миса серебряна — 12 гривенок, 5 сороков соболей, 10 поставок ипских». Дары шли и помимо пиров: посадники и тысяцкие, купцы и житьи, «а и молодые люди многие» приходили на Городище с «поминками» и с чеლობитьем. Летописец отмечает, что в свою очередь «князь великий... жаловал от себе ...коемуждо по достоинству».

Рано утром 23 января,²⁴ во вторник, «выехал великий князь из Новгорода к Москве», провожаемый всеми новгородскими властями, и 8 февраля, в четверг, вернулся в свою столицу. Городищенское стояние окончилось.

«Поход миром» 1475 г. и Городищенское стояние — едва ли не важнейший шаг в ликвидации феодальной республики. «Мирная» форма похода не могла скрыть от современников его сущности как военной экспедиции (только без применения оружия): псковский летописец отметил, что «вся... сила стояла по всем монастырям, было полно по обе стороны около всего Великого Новгорода; тем же было от них сильно, много христиан пограблено по дорогам, и по селам, и по монастырям, и числа края нет».²⁵ Не ошибались современники и в истинном значении Городищенского стояния. Тот же псковский летописец видит это значение в том, что «князь великий приехав в Новьгород, и как к нему съслися на суд, и князь великой в новьгородцев опросив, да всех у себе на Городищи тех насилников и на Москву тымы часы всех спроводил.., а иных бояр многих насилников на поруку владыке подавал до управе».²⁶ Для пронизательного псковича суть событий именно в суде и управе великого князя над насильниками, а не в том, что «владыке и посадникам и всему Новугороду кормом и даровы и всему сполу числа края нет, колко золота и серебра вывезе ст них».²⁷ Беско-

---

²⁴ Московская летопись дает дату 26 января, что явно не верно: 26 января 1476 г. приходилось на пятницу, а эта летопись, как и Софийская и Львовская, называет этот день вторником. Дата Псковской III летописи по Строевскому списку — «генваря 16 день, вторник» (Пл. Т. 2. С. 202) — тоже не верна: 19 января, как мы знаем, великий князь еще пировал у владыки. И. В. Лепко считает, что Иван III выехал из Новгорода не позднее 26 января (Лепко И. В. Поход Ивана III... С. 138)

²⁵ Пл. Т. 2. С. 202.

²⁶ Там же. С. 200.

²⁷ Там же. С. 202.

нечные пиры с подношениями даров не могли обмануть современников иллюзией гостеприимства и доброжелательности новгородских бояр: эти пиры пскович рассматривает как форму своего рода контрибуции с Новгорода, прежде всего с руководителей республики.

Примерно так же расценивает события осени 1475 г. и последующей зимы Типографская летопись: великий князь «дасть утруху Великому Новгороду, приведе их во всю свою волю, лутчих посадников поймав, оковавши их, на Москву посла» и г.ри этом еще «много поймав богатства».²⁸

Итак, суд и управа великого князя, реальное, фактическое осуществление московской верховной юрисдикции в Новгородской земле, формально вытекавшее из условий Коростынского мира, — вот в чем, по оценке современников, основной смысл «похода миром» и Городищенского стояния. С этой оценкой нельзя не согласиться.²⁹ При всей своей значимости «поход ми-

²⁸ПСРЛ. Т. 24. С. 195.

²⁹В. Н. Бернадский считает, что во время Городищенского стояния великий князь, «ограничивая круг крамольников немногими упрямыми противниками... стремился договориться с остальными новгородскими великими боярами, пируя в их дворах, принимая от них ще рые дары и давая ответные пиры». Результат этой деятельности он видит в том, что «группа «приятных» великому князю бояр в эти месяцы расширилась, а некоторые бояре, надо думать, связали себя новым крестным целованием и грамотой с Иваном III». По мнению В. Н. Бернадского, круг этих «приятных» Москве бояр может быть очерчен на основе известия января 1478 г., когда московский боярин И. Товарков обратился от имени великого князя к группе виднейших новгородских бояр с призывом служить великому князю по крестной грамоте. В этом призыве исследователь видит напоминание «о прежней крестной грамоте». К боярам, перечисленным в известии января 1478 г., он добавляет еще пятерых, бивших челом в службу великому князю в 1477 г., и приходит к выводу, что в 1475—1476 гг. сложилась «весьма значительная количественно и весьма влиятельная по ее составу группа сторонников московской ориентации» (Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля... С. 297). Еще дальше идет Л. В. Черепнин, который считает (и на тех же основаниях), что во время Городищенского стояния, «по видимому, Иван III привел новгородское боярство к присяге» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 866). Если названные исследователи правы, то перед нами факт действительно очень большого политического значения. Принимая феодальную присягу великому князю, виднейшие новгородские бояре переходили к нему на службу и тем самым совершали акт измены по отношению к Господину Великому Новгороду. Это означает, что уже в 1475 г. правящие верхи феодальной республики фактически предают ее, причем делают это тайно, продолжая быть руководителями Господина Великого Новгорода. Обратимся, однако, к тексту, на который ссылаются оба исследователя. «Генваря 18 в неделю, били челом великому князю в службу бояре новгородстии все и дети боярьские и житии, да приказався вышли от него. И князь велики выслал

ром» и Городищенское стояние не были, однако, одновременной акцией московского правительства по отношению к своей новгородской «отчине». Напротив, они означают начало нового этапа в осуществлении московской политики в Новгородской земле. Очередное проявление этой новой политики — категорический (вопреки традиции) отказ освободить новгородских бояр, осужденных на суде на Городище. Несмотря на отказ, полученный от великого князя во время Городищенского стояния, новгородская господа сделала еще одну попытку спасти своих лидеров. 31 марта 1476 г. в Москву прибыл архиепископ Феофил в сопровождении трех посадников и «мнози и инии от житных людей» «бити челом о тех же поиманных». На следующий день депутация была на обеде у великого князя, а еще через шесть дней новгородцам был дан «пир отпускнуой». И хотя владыка прожил в Москве еще целую неделю, до 15 апреля, ему пришлось уехать ни с чем: «тех поиманных не отпустил князь великий ни единого».³⁰

Напрашивается сравнение с событиями 1471 г. Тогда новгородские бояре, взятые в плен в Шелонской битве, просидев «в избе» четыре месяца, были отпущены по просьбе Феофила, приехавшего в Москву на свое поставление. Теперь, через четыре года, заступничество владыки оказалось тщетным. Наказанию бояр, обвиненных в уголовных и политических преступ-

---

за ними Ивана Товаркова к Казимеру, да к брату его к Коробу, да Фефилату Захарьину, к Луке и к Якову Федоровым, да к Ивану Кузмину, да к Ивану Захарьину сыну Григорьева, да к Мите Есипову, да к Михаилу Берденеву, да Василью Есипову, да Федору Телятеву, да к Родноу Норову. А велел им князь великы говорити: «На которой грамоте великим князем крест целовали есте, по той бы грамоте государем своим и правили есте по тому крестному целованию...». И те боаре все на том молвили, на чем к ним к своим государем великим князем крест целовали» (ПСРЛ. Т. 25. С. 321—322). Итак, Иван Товарков действительно обращается к перечисленным боярам с призывом, чтобы они «правили» «по грамоте... по... крестному целованию». Но о какой «грамоте» и о каком «целовании» идет речь? Из слов Товаркова, приводимых летописью, вовсе не вытекает, что имеется в виду какая-то старая грамота, составленная задолго до этого, и какое-то старое целование. Напротив, наиболее естественно предположить, что великий князь устами Товаркова призывает бояр блюсти именно то целование, которое они только что совершили. Никаких намеков на какие-то прежние отношения слова Товаркова не содержат. Но если так, то у нас нет оснований видеть в боярах, к которым обращается Товарков, лиц, изменивших Новгороду еще в 1475 г. и тайно перешедших на службу великому князю во время Городищенского стояния. Следовательно, концепция В. Н. Бернадского и Л. В. Черепнина о «союзе» великого князя с верхами новгородского боярства (или со значительной частью этих верхов) лишается своей главной фактической опоры.

³⁰ПСРЛ. Т. 25. С. 308.

лениях, Москва придавала, видимо, принципиальное значение — практика отношений с Новгородом после 1471 г. усилила в московском правительстве недоверие к лидерам боярской олигархии. Укрепив свои позиции в Новгороде, московское правительство сделало очередной шаг в разрушении политического могущества новгородской господы. Но, как уже было сказано, Городищенское стояние — только начало нового этапа московского наступления.

23 февраля 1477 г. «прииде из Новгорода к великому князю посадник Захарья Овинов за приставом великого князя, со многими новгородци, иным отвечивати, коих обидел, а на иных искати».³¹ Московский летописец счел нужным сопроводить это известие многозначительным комментарием: «Того не бывало от начала, как и земля их стала, и как великии князи учали быти от Рюрика на Киеве и на Володимере и до сего великого князя Ивана Васильевича, но сеи в то приведе их».³²

Действительно, если суд великого князя над новгородскими посадниками на Городище был неслыханной в новгородской истории мерой, то вызов посадников «за приставами» великого князя на суд в Москву означал полный разрыв со старой политической традицией, упорно подчеркивавшейся новгородцами в договорах с великими князьями на протяжении более двухсот лет. Однако вызов посадников на суд в Москву был в глазах московского правительства не более чем естественным следствием установления «суда и управы» великого князя всея Руси над его новгородской «отчиной» — интегральной частью нового государства. Беспрецедентное нарушение, по сути дела разрушение, одного из основных институтов новгородской «старины», одного из главных устоев судебной-политической структуры республики явилось всего лишь реализацией сложившегося положения вещей — фактического включения Новгородской земли в состав Русского государства.

В то же «говение», т. е. в период до начала апреля 1477 г., «приидоша иные посадницы и мнози житии новгородцы, и поселяне, и черницы, и вдовы, и вси приобижении, многое их множество, о обидах искати и отвечивати».³³ Холодной бесснежной зимой 1477 г.³⁴ в столицу Русского государства потянулось во-

³¹Там же. С. 309.

³²Там же.

³³Там же. С. 309.

³⁴«Того же году зима бысть вельми студена и безснежна», — отмечает Типографская летопись (там же, Т. 24. С. 195). «Сия же осень суха была и студена.. снегу не бывало... на пядь не бывало его во всю зиму сию», — пишет московский летописец (там же, Т. 25. С. 309).

лей и неволей на «суд и управу» великого князя множество жителей Новгородской земли. Вызов новгородцев на суд в Москву приобретал тем самым массовый характер и перерастал в постоянно действующий судебно-административный институт, полностью порывающий со старой традицией. «Суд и управу» великого князя над новгородцами имели глубокий политический смысл. Кроме своего непосредственного значения — реального осуществления судебно-административной власти московского правительства над Новгородом, суд над посадниками весной 1477 г. в Москве, как в предыдущем году на Городище, был орудием определенной социальной политики. Суть этой политики кратко сформулирована Типографской летописью: «И приехаша новгородцы на Москву к великому князю... **многие жалобники на посадников и на бояр.** Князь же великий посла по них своих приставов с Москвы и начат их судити на Москве (курсив мой. — Ю. А.)»³⁵. Суд на Москве — естественное, органическое продолжение суда на Городище. Но он еще дальше. Это — та же «управа обиденным», управа пострадавшим от боярского произвола в феодальной республике. В числе этих «преобиженных» летописец недаром называет рядом с традиционными вдовами и черницами — хрестоматийными объектами обид и притеснений также и «поселян» — представителей сельского населения, париев боярской республики, бесправных смердов. Великокняжеская власть тем самым посягает на один из фундаментальных устоев Великого Новгорода — на аграрные отношения Новгородской земли, нащупывает ахиллесову пяту вечевого республиканского строя. Если боярские «находы» и «наезды» на своих сограждан — уличан и аналогичные конфликты внутри города Новгорода, вызывавшиеся самоуправством бояр, могли носить хоть и частый, но все же эпизодический характер, то власть боярско-вечевого города над массой сельского населения, его беспощадная эксплуатация в интересах этого города — постоянно действующий фактор новгородской истории, основа всего могущества республики. Распространение «суда и управы» великого князя на эту сферу общественных отношений угрожало непосредственному существованию сложившегося в Новгороде политического строя. Мирное наступление Москвы в ее стремлении добиться максимальной реализации своей власти над Новгородом достигло тем самым кульминации. Весной 1477 г. оставалось сделать только последний шаг — формально ликвидировать боярско-вечевую республику с остатками ее политического суверенитета.

³⁵Там же. Т. 24. С. 195.